

Феномен
Б. Акунина

РАЗВЛЕЧЕНИЕ для взыскательного читателя

Признаюсь, я долго не раскрывала романы Б. Акунина, о которых много говорили. Сдалась на отдыхе — и залпом прочитала все. Что-то в этих историях из жизни «России, которую мы потеряли» было такое утешительное, что не хотелось расставаться с этими маньяками и убийцами, с которыми лихо расправлялся по-мужски обаятельный и по-русски рефлектирующий Эраст Фандорин. Поэтому беседу с Б. Акунином, или переводчиком с японского, заместителем главного редактора журнала «Иностранный литература» Григорием ЧАРТИШВИЛИ, начала с вопроса: не идеализирует ли он часом выбранную эпоху — вторую половину прошлого века?

— Здесь фокус не во времени: та эпоха действительно трагическая, период тупиковых путей и упущенных возможностей. И притягивает она не историей страны, а историей русской литературы. Я убежден, что ничего более замечательного, чем русская литература второй половины XIX века, наша страна не создала, и неизвестно, создаст ли. Написанное Достоевским, Толстым, Чеховым и другими до такой степени неотразимо и, прошу прощения за нахое, слово, харизматично, что даже те солнечные зайчики, которые япускаю от этого большого солнца своими детективами, привлекают.

Ведь набор моих действующих лиц на самом деле читателю хорошо знаком. Это Настасья Филипповны, Рогожины, Макары Девушкины и так далее. Другое дело, что я не оставляю их такими, какие они есть: во-первых, это у меня вряд ли бы получилось, а во-вторых, это не так интересно. Ведь когда читатель узнает некий знакомый персонаж, он ждет от него определенной линии поведения, а я его обманываю.

— То есть вы заведомо имеете дело с литературным материалом, играете с ним, а собственно реальность вас не интересует?

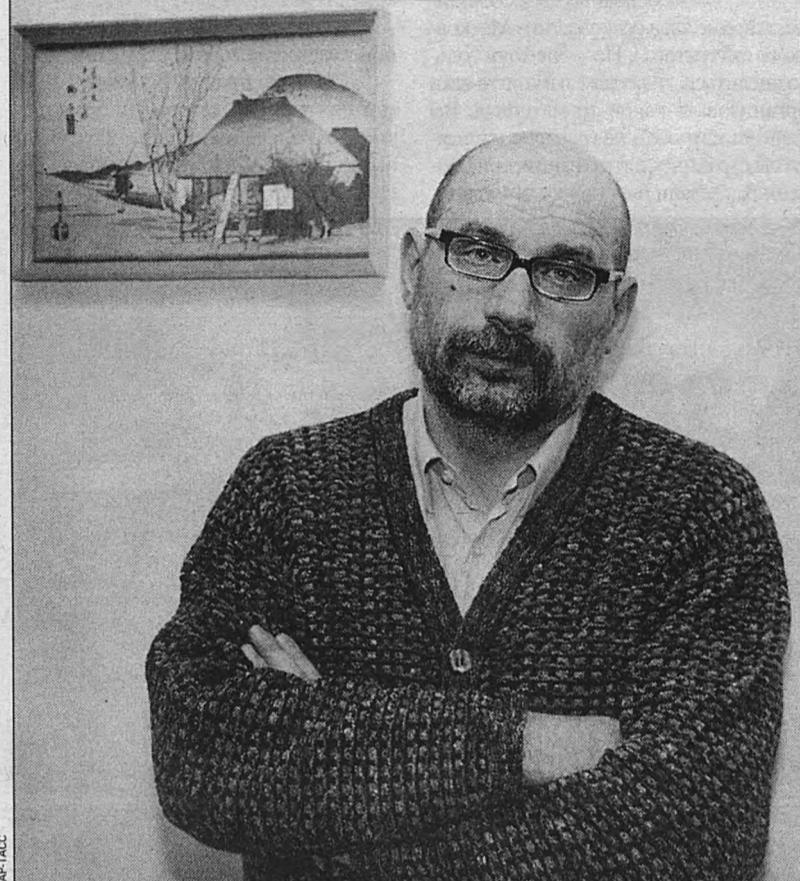
— В каком-то смысле да, я вообще очень люблю играть. И сочинение беллетристики для меня — тоже игра, которую я веду с читателем. Конечно, далеко не все захотят принять в этом участие, но, как выясняется, многие и соглашаются. Я пишу так, чтобы было интересно мне самому.

— А откуда ваша осведомленность по части бытовых реалий эпохи?

— Я по образованию историк, а перед тем как писать роман, привязанный к определенному году, я, естественно, все про это время, включая газеты и архивные материалы, прочитываю. Но в принципе я себя не чувствую связанным историей. Если и беру исторический персонаж, то слегка меню его имя, и тогда он уже при надлежит мне, я делаю с ним, что хочу.

— Чем вы объясняете причину популярности своих романов, в том числе у тех, кого не назовешь потребителем массовой культуры?

— Вовсе не своими достоинствами, а, может быть, тем, что я одним из первых в этой стране попытался соединить два жанра — высокий и низкий. У нас всегда отсутствовало промежуточное звено — развлекательное чтение для взыскательного читателя. Так было и в прошлые, и в советские времена, за редчайшими исключениями вроде Алданова, а между тем это род литературы, который необходим любому человеку. Даже если он живет не может без Хайдеггера, все равно ему надо дать отых мозгам. В книжках, которые я сочиняю, нет ничего сложного. Там есть исторические и литературные игры, но вникать в них совершенно необязательно, потому что, я надеюсь, сюже-

та достаточно и самого по себе. Мой читатель — это человек, который может получить удовольствие не только от сюжета, но и от стиля.

— А сами вы поклонник острожетной литературы?

— Конечно. Я очень люблю детективы, много переводил их, еще в советские времена был составителем сборника японских детективов. Если вы спросите, к какой партии я принадлежу — поклонников Конан Дойля или Агаты Кристи, то я предпочитаю Шерлока Холмса, то есть более фактурный детектив, когда ты получаешь удовольствие не только от разгадки, но и от самого процесса разгадывания.

— Что явилось причиной того, что вы стали писателем?

— Тому несколько причин. Мне исполнилось сорок лет, а это тот возраст, когда нужно пытаться привнести что-то принципиально новое в свою жизнь, потому что иначе начинаешь двигаться вниз. Я тогда работал над книжкой «Писатель и самоубийство», в связи с чем приходилось изучать сотни невеселых историй. И хотелось сделать что-то другое, легкомысленное. Я начал писать «Азазель». А потом уже втянулся, понял, что массовая литература — это очень занятное упражнение. Страшно интересно работать с простыми материалами: из воды, песка и глины можно построить что-то не менее любопытное, чем из золота и серебра. Наконец, это еще вопрос, какая именно литература больше воздействует на людей — серьезная или развлекательная. Я вовсе не ставлю перед собой задачу на кого-то воздействовать. Но поскольку я живу в стране, где невозможно не думать о том, что происходит вокруг и что будет завтра, у меня есть суждения, которыми хочется поделиться: но не в прямой форме, а с помощью персонажей, неизбежно главных.

Мне кажется, что период с 60-х годов прошлого века до революции многое помогает понять в сегодняшней жизни. От многих ошибок можно было бы уберечься, заглянув в прошлое. Думаю, в том, что произошло в 17-м году и позже, виноваты не большевики — виновата власть. Власть всегда виновата — на ней лежит ответственность, и если в стране происходит трагедия, значит, власть не справляется со своими обязанностями. Если Николай II был не

Илья Б. Акунин. — 2002 — 11 — 16. 00. — 2. 20.

нически попробовал соединить в одной пробирке черты названных персонажей плюс некоторые качества агента Купера плюс еще что-то. На четвертом романе, не раньше, он стал превращаться для меня в живого человека, весьма упрямого, кстати, который меня уже и не слушается.

— После фандоринской серии появился провинциальный детектив с геройней-женщиной и современный, из новой серии «Приключения магистра». Ваши личные эмоции в них по-прежнему отсутствуют?

— Конечно. Беллетристика вообще не тот жанр, где надо выплескивать боль, хотя такая точка зрения непопулярна в русской литературе. По поводу современности мне хотелось написать что-то недепрессивное и показать, что в этой стране, несмотря ни на что, жить можно, что ее, несмотря ни на что, можно любить.

— Популярность изменила вашу жизнь?

— Я не любитель публичности, не встречаюсь с читателями и не подписываю книжек — мне это не доставляет удовольствия. Поначалу я вообще не хотел, чтобы друзья и коллеги знали, что я сочиняю детективы (отсюда псевдоним): у нас в стране этот род литературных занятий считается не вполне приличным, а я все-таки работаю в солидном журнале и так далее. Теперь уже не занимаюсь переводами и хочу уходить из «Иностранный литературы», потому что не успеваю добросовестно справляться со своими обязанностями.

— Насколько я знаю, сейчас на ОРТ готовится телеверсия фандоринского цикла.

— Контракт подписан, и работа над «Азазелем» идет. Режиссером я сразу выбрал Александра Адабашьяна, который до этого моих романов не читал. Контракт предусматривает мое право утвердить актера на главную роль и, что особенно важно, большой бюджет фильма, какого у наших сериалов не было еще никогда. За две копейки ничего хорошего не снимешь.

— Что вы думаете о будущем нашей литературы?

— С русской литературой все будет очень хорошо, причем очень скоро. Ведь наша страна в значительной степени выдумана литературой, построена на ней и без нее существовать не может. У нас очень много талантливых людей. Отличным образом в России прижилось интернетовское пространство, в том числе в культурном и литературном смысле, что меня очень радует. Рядом с Пелевиным и Сорокиным появляются новые имена, например, Михаил Шишгин с романом «Взятие Измаила». Благодаря этому произведению я стал понимать, зачем сейчас, в начале XXI века, люди все еще пишут серьезные исповедальные вещи. Великолепный роман написала Татьяна Толстая — там такие игры со стилем и словом, что доставляют просто физическое удовольствие. Макс Фрай, интернетовский персонаж, по-моему, очень талантлив, не знаю, он это или она. Мне нравится, как пишет Григорий Петров, — у него есть занятное взаимопроникновение современности и русской истории.

Функция литературы сейчас изменилась — она заняла более естественную для себя позицию. Во времена советской власти и раньше — ведь при царе свободы-то все равно не было — литература вынуждена была становиться учителем жизни. Сегодня место у нее, может быть, более скромное, но более верное и надежное.

Беседу вели Нина АГИШЕВА